

ГЭКОВСКИЕ СКАЗКИ О ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

© 2013 г. Александр Павлович Скорик¹

Краткая аннотация: в статье предпринимается попытка осмысления студенческих оговорок на государственном экзамене по теории государства и права, отмечается, в каких дидактических единицах и тематических сюжетах дисциплины рождаются казусы, выявляются коллизии между преподаванием и усвоением материала обучающимися лицами, а также предлагаются способы преодоления подобных недоразумений в изучении базового курса.

Annotation: the article deals with students' tongue slips during the state examinations according to the theory of the state and the law. It is an attempt to reveal the reasons of such mistakes and determine to what extent the students' acquisition of the knowledge depends on the teaching methods used by professors. In addition, the article proposes some tools to cope with the problem.

Ключевые слова: вопросы, знание, логика, преодоление, примеры, спич, студенты, шутки, эссе, юристы.

Key words: questions, knowledge, logic, and overcoming, examples, speech, students, jokes, essays, lawyers.

Более десяти лет я участвую в приеме государственных экзаменов в разных вузах и при случае обязательно записываю уникальную “студенческую мудрость”, рождающуюся непосредственно во время ответов выпускников-юристов. Порой дело заключается отнюдь не в незнании предмета, а скорее в неумении объяснить, поскольку современное общество и развитие высоких технологий отчасти лишают молодого человека непосредственного живого общения, самостоятельной работы формирующегося разума над произносимой фразой. Когда со временем я систематизировал экстремальные студенческие рассуждения о государстве и праве, то получилась весьма занятная картина. С отдельными сюжетами хотелось бы познакомить читателей журнала, чтобы, с одной стороны, в серьезные научные размышления добавить искру неожиданного студенческого юмора, а с другой – предпринять попытку осмысления определенного уровня правовой культуры и состояния правовой психологии.

В теории государства и права при раскрытии многих тем курса принято называть авторов идей, концепций, и это порождает в механизме студенческого запоминания различные каверзные перевертыши. Например, “индус Джон Локк”, “китаец Гоббс”, “какой-нибудь Гроций”, “французский просветитель Шарль де Голль”, “Леви-страус”, “по поводу завоевания – это к Гумпловичу” и др. Стремясь как можно ярче продемонстрировать свои познания и представить классическую мысль в ее развитии, студенты произносят целые патетические фразы, которые, кроме естественной улыбки, ничего не вызывают. Вот лишь один из таких примеров: “Идея правового государства лежала в идеях сначала Гегеля, затем Канта”. Другой любитель словесности при объяснении объекта правоотношений зримо представил экзаменационной комиссии образ великого русского писателя: “Лев Николаевич Толстой книгу написал и продал”.

Основная часть студенческих шуток рождается при интерпретации различных понятий, что для процесса изуче-

ния теории государства и права имеет ключевое значение. Вот и звучат из уст студентов оригинальные определения: “государство можно объяснить как марксистскую машину для управления аппаратом”; “орган государства – это орган президента”; “пробел в праве – это когда нет какой-то буквы”; “субъект права – это то, что конкретно можно сделать”; “социальные нормы – это общие правила регламентации формы”; “дуализм власти – это когда можно и нельзя” и т.п. Выяснение вопроса о функциях государства привело студента к специфической формулировке, что “убеждение – это охранительная функция государства”. “Такая форма государственной власти, как тирания, – это ущемление прав человека, но очень сильное...” А вот пример математического подхода: “унитаризм – это где не делится право на суверенитет...” Довольно актуальным понятием, часто используемым в ответах на государственном экзамене, является понятие “гражданин”, и здесь каких только веселых трактовок вследствие естественного студенческого волнения и невольных оговорок не возникает. Скажем, “гражданин – это человек, находящийся в устойчивой природной связи с государством”, или “гражданин – это биологическое существо, находящееся в устойчивой правовой связи с государством”. А “лица без гражданства – это пираты”, “патриды – это преподаватели...” В студенческой памяти причудливо перемешиваются различные темы из курса теории государства и права, и тогда может появиться, например, такое определение: “государственная власть – это воля социалистических сил”. Стремление молодых людей ответить быстро и убедительно на уточняющий вопрос порождает совершенно новые смыслы для известных юридических понятий. В пояснении сюжета о том, что такое “юридическое лицо”, студент предлагает скоропалительную версию: “это человек с высшим юридическим образованием”. И действительно, молодой человек счастлив, что наконец-то получит высшее юридическое образование (а главное – диплом о наличии такового), поэтому подсознательно готов вклинить этот образ своего ближайшего будущего в устоявшуюся систему правовых знаний. Естественно, без пяти минут выпускник вообще становится почти философом и, не задумываясь, произносит: “принцип юридической ответственности – созерцательность...”

Теория государства и права формулирует для отраслевых юридических дисциплин целый ряд общих понятий, кото-

¹ Заведующий кафедрой теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасский политехнический институт), доктор философских наук, доктор исторических наук, профессор (E-mail: s_a_p@mail.ru) s_a_p@mail.ru).

рые имеют вполне прикладное значение. Прочное усвоение этого тезауруса на студенческой скамье предопределяет профессионализм практикующего юриста. Скажем, действие нормативно-правовых актов в пространстве предполагает объяснение ситуации экстерриториальности нормативно-правового акта. Вот здесь возникает у экзаменуемого лица оригинальная трактовка: “экстерриториальность – это акт, действующий на бывшей территории”. В теоретическом анализе юридического состава правонарушения мы столкнулись со своеобразной интерпретацией исходных понятий: “небрежность – это кто-то что-то не докрутил”, а “вред – это принесение гражданину увечий”. Субъективное понимание вреда студентом представлено искрометной формулировкой: “вред – это в зависимости от того, кому был причинен вред”. И здесь в определенной логике экзаменуемому лицу никак не откажешь, а вот в оценке должного знания предмета возникают сомнения.

При изложении вопроса о видах государственного контроля один из студентов глубокомысленно заявил: “КРУ – это не ЦРУ”, очевидно, запамätовав видовые характеристики государственного контроля и пытаясь путем вольных рассуждений постепенно выйти на верный путь объяснения учебного материала. При попытке подсказать правильное направление мысли у испытуемого спросили: “А для чего нужен государственный контроль?!” Последовал ответ: “Чтобы не допустить растраты”. “А что такое растрата?” – вопрошал далее преподаватель. В ответ услышал: “Растрата – это распускание определенных вещей”. Как говорится, ни дать, ни взять.

При ответе на государственном экзамене студенты нередко вводят в оборот совершенно новые понятия для теории государства и права или обозначают уже известные дефиниции таким образом, что сразу никак и не догадаешься, о чем, собственно, идет речь. В этом удивительном ряду познания правовых истин мы выделили следующие “осколки знаний”: “придатки права”, “гражданское бодрствование”, “настырная жизненная позиция”, “гнусеология”, “евристика”, “консолидарная форма права”, “нормистская правовая семья”, “онтогоническая функция”, “частонаучный метод”, “законопослушные акты”, “супсидарная аналогия”, “озаконовление”, “апроботация”, “правовые аморальные проступки”, “биграждане”, “дискретическая монархия”, “государственное понуждение” и др.

Теоретическое познание предполагает выработку у студента-юриста умения применять дедуктивный и индуктивный методы. При этом при изучении теории государства и права важно выделять признаки понятия, отталкиваясь от которых надо выйти на формулировку дефиниции, или, наоборот, через объяснение отдельных признаков разъяснить суть рассматриваемого государственно-правового явления. Так, у студента появились “общеодозволительность как признак нормы права”; “прецедент имеет маленький авторитет”; “законность охраняет личность от человека”; “публичная власть, потому что она ни от кого не скрыта”; “государство придает обществу обязательное значение”; “смертная казнь как элемент нормы права – это убийство”; “личность – это сформулированный человек”. Выделение таких вот ключевых признаков понятия, естественно, весьма далеко от требуемого познания государственно-правовых явлений, но все же демонстрирует определенное движение студенческой мысли.

Студенческие рассуждения об отдельных тематических сюжетах изученной дисциплины доставляют не меньшее умиление. Объясняя процесс общественного разделения труда, “любитель посидеть с дочкой” обратил внимание на

“отделение рыболовства от ремесла”. По версии молодого полиглота, в “родовом обществе они могли общаться на разных языках”. Раскрывая категорию “естественных прав”, другой размышляющий выпускник подчеркнул, что “каждый человек имеет право родиться, и никто не имеет права его запретить”. Социальная дифференциация в обществе, по студенческой версии, “возникла вследствие завоевания одних племен другими, и после этого образовались классы рабочих и служащих”. Источником для познания ранних этапов развития человечества для своеобразного “последователя Нестора” являются “летописи первобытного общества”. Поиск правовой сущности современных процессов привел будущего юриста в объяснении национальных проектов в Российской Федерации к тому, что “жилище передается в лизинг”. Молодой неженатик почему-то полагает, что “выполнение супружеских обязанностей регулируется правом”.

Для пояснения своих суждений при сдаче госэкзамена по теории государства и права студенты должны уметь привести уточняющие примеры. Конкретные правоотношения, возникающие в обществе, дают своеобразную почву для студенческих интерпретаций. Шутливый тон задают такие бинарные позиции, как “представитель и представленный”, “поставщик и поставляемый”, “де-факто и де-юре”. Поэтому вполне логичной выглядит такая студенческая интерпретация: “Нормативно-правовые акты бывают конкретно для специалистов и для профессоров”. А вот студенческое объяснение значимости в реальном правоотношении юридического факта: “Повреждается дверь – причинен вред человеку”. Процесс возникновения правоотношения был истолкован следующим образом: “Предприниматель зарегистрировался, и у него появилось имущество”.

Выпускник-юрист должен продемонстрировать на государственном экзамене умение свободно осмысливать современную социально-правовую реальность, с использованием полученного теоретического знания давать определенные правовые оценки. На почве концептуализации современности иногда возникает совершенно новая, неожиданная для нас событийность, например: “фашистский режим взял и пришел на Украину”; “романо-германская семья существует в разных странах: Рим, Италия...” Свою неудачную попытку проанализировать отношение современных государств к такой форме правления, как монархия, выпускник завершил фразой: “Если все страны разобраться не могут, то я как...” И вообще, по итоговому умозаключению одного из студентов, “к России нельзя применять чужую шкурку”.

В наличии почти железной логики при ответах на государственном экзамене современным студентам никак не откажешь. При раскрытии вопроса о типологии систем права выпускник, наученный годами университетских штудий приоритетному отношению к правам человека, сразу же отметил важность естественного права, а затем стал рассуждать, что “если есть естественное право, то какое еще право может быть – только искусственное право”. По мысли недоучившего предмет студента, “теория конвергенции – это теория для урегулирования половых отношений”. Что-то в башенной конструкции молодого человека, очевидно, странноватым вариантом перемкнуло, и теории государства смешались невообразимым Гордиевым узлом, разрубить который у студента не хватило сил. Будущий сотрудник следственных органов при попытке применить свои познания о нормативно-правовых актах решил обратиться к основному в будущей профессиональной деятельности кодифицированному акту. Итак, рассуждал студент, возьмём, к примеру, УК, каждая статья, грубо говоря, это статья”. Однокурсник

будущего следователя, желая, в свою очередь, как-то откровенно потрафить экзаменаторам, подчеркнул важность сдаваемой дисциплины следующим образом: “ТГП выросло из летописи родовой общины”. Исторический уклон проявился в ответе другого студента при объяснении сущности методов познания государства и права, и он предложил новую авторскую трактовку: “Подвиги Геракла – это нормативно-ценностный метод”.

В ходе государственного экзамена студентам по принятой вузовской процедуре задаются дополнительные вопросы. При ответе на вопросы возникают интереснейшие околотеоретические коллизии. Например, при обсуждении вопроса о субъективных правах студента, специализирующегося в области гражданского права, спросили, что нужно, чтобы возникло такое право как право наследования. На это он ответил: “Чтобы наследодатель умер”. При попытке уточнить ответ студента о правовом нигилизме у студента спросили: “Кого Вы знаете из первых российских нигилистов?” Студент, немного подумав, сказал: “Лично? Никого...” Иногда экзаменаторы наталкиваются на характерные черты ментальности экзаменуемого лица, и возникает совершенно патовая ситуация. Студенту, представителю одного из кавказских народов, при раскрытии проблемы правового статуса личности был задан дополнительный вопрос о правовом положении эмбриона человека с учетом разных подходов в законодательствах различных стран и теоретической актуальности этой проблемы. Студент ответил: “Мужчинам, пожалуйста, не задавайте таких вопросов”. Белокурому милейшему созданию в девичьем образе предложили ответить на вопрос: “В чем суть доктрины юридического прецедента?” Ничтоже сумняшеся, она с легкостью заявила, что “дело должно быть основано на настроении судьи”. Иногда вопросы настолько вводят студента в шоковое состояние, что он, пытаясь справиться с ситуацией, произносит целые спасительные тирады: “Запишите. Подождите. Сейчас скажу. Неправильно пошел”. Причем, обостренное чувство самокритики в таком случае достигает удивительных вершин, когда, например, заглядывая в аудиторию, где проходит госэкзамен, студентка-заочница прямо спрашивает: “Скажите, а особо тупеньким когда заходить?!” Немая сцена ненадолго сковывает экзаменаторов, а прелестное личико исчезает за дверью так же быстро, как оно и появилось.

Маленькие студенческие открытия, совершаемые при изложении материала, подчеркивают определенное личностное отношение выпускника к проблеме. Так, по мысли будущего прокурорского работника, оказывается, что “нормы права действуют и для сотрудников правоохранительных органов”. Технократический подход проявил студент при объяснении теоретико-правовых проблем правотворчества, и у него получилось “конструирование законодательного акта”. Один

из будущих оперативных работников, словно известный герой кино Глеб Жеглов, раскрывая вопрос о видах дисциплины, подчеркнул: “Если по дисциплине, то наказывать надо жестче”. Его однокурсник активно поддержал товарища, но в другом вопросе: “Толкование необходимо, чтобы право лучше доходило до людей”. На эти рассуждения по-своему откликнулся будущий цивилист, заявив, что “наказание – это неудобство”. А вероятностный предприниматель, объясняя вопрос о материальных проступках, довольно предметно указал: “Размер убытков определяется затратами товара”.

Студенты неожиданно и по-своему реагируют на острые общественные проблемы, совершая те или иные оговорки на государственном экзамене. У них зародившаяся мысль порою бежит, несколько опережая произносимые при ответе фразы. Говоря об особенностях отдельных отраслей права, один из выпускников отметил “сбор голосов в избирательном праве”, а другой даже вывел “законотворческое право”. Еще один будущий юрист, рассуждая об органах государства, утверждал: “Армия и полиция – это органы управления государства”. Приверженец своеобразных общественных устоев настаивал, что “формой государственного устройства является мажоритарная федерация”. Объясняя такие характерные черты государственной власти, как легитимность и легальность, студент выдвинул свой тезис: “Государство бывает легальным и нелегальным”. Ему вторил другой знаток реальностей общественной жизни: “Ответственность без вины, значит, не доказали”.

На наш взгляд, преодоление досадных недоразумений на государственных экзаменах во многом связано не только со знанием общепрофессионального курса теории государства и права, но и с глубоким и прочным освоением студентами вспомогательных юридических дисциплин, таких как логика, ораторское искусство, локальное нормотворчество, которым в учебных планах подготовки юристов уделяется, к сожалению, недостаточное внимание. Считаем, что, не умаляя значимости существующих форм усвоения профессиональных умений (курсовых работ, домашних заданий, рефератов и др.), надо непременно вводить в практику преподавания целый ряд методических приемов и учебно-текстовых контентов, развивающих у обучающихся навыки устной и письменной речи: творческое эссе (свободное авторское сочинение на правовую тему), юридический спич (рассуждение по предмету определенной юридической коллизии), нормотворческую работу (написание авторского варианта части или полного текста правового акта). Большое значение могут иметь коллоквиумы на заданную тему с перечнем вопросов, но без использования домашних конспектов и технических средств поддержки. И тогда действительно произойдет, если следовать студенческой квазилогике, “вступление субъекта в юридическую силу”...